

Элина Быстрицкая: дипломатическими способностями я не отличаюсь

Татьяна Рассказова

— Элина Авраамовна, вы не раз говорили, что еще со студенческой скамьи мечтали о роли Аксины в «Тихом Доне». А мечтали ли вы о такой любви — всепоглощающей, темной, пожизненной страсти, которая выпала вашей героине? И случилось ли это с вами?

— Думаю, любой актер, который в состоянии передать это чувство, способен и сам испытать его в жизни, он обладает определенным запасом топлива: есть что поджечь, чтобы этот катастрофический пожар мог разгореться. Но выбирать «хочу — не хочу» никому не дано, а мечтать о таком — зачем? Разве это радость? Это горе.

— Если бы перед вами стоял выбор: любовь без искусства или искусство без любви — как бы вы поступили?

— Я его уже сделала, выбрала искусство. Хотя отказывать себе пришлось очень во многом. Впрочем, так резко для меня вопрос не стоял, в жизни вообще так не бывает.

— Отчего же? Необходимость выбора может быть продиктована вовсе не извне. Как-то одна актриса говорила по телевидению о том, что не станет заводить детей, потому что хочет целиком посвящать себя актерской карьере.

— Для меня в жизни все не так просто: на любое решение влияет масса входящих обстоятельств. Допустим, когда я заканчивала фельдшерско-акушерскую школу, мне пришлось принять пятнадцать родов. Для самой матери чудовищные страдания потом компенсируются любовью к ребенку, положением в семье и т. д., а у акушерки после всего этого ужаса остаются только воспоминания о пуповине, обмотавшей плод, или о том, что он шел ножками, да еще память о собственном страхе, потому что твоя неловкость могла превратить человеческую жизнь. Однажды я приняла за ночь четырех младенцев — и все роды были патологическими. У меня тогда — в девятнадцать-то лет! — появились первые седые волосы, и я сказала себе: ни-ког-да. Ни-ког-да. И все сделала, чтобы со мной этого не случилось. Не потому, что у актрисы (а я уже серьезно думала об актерской профессии) в принципе не должно быть детей — у многих они есть, и творчеству это не мешает. Просто природа или высший разум — называйте как хотите — каждому диктует, как и для чего жить. Я думаю, существует призвание.

— Известно, что Шолохов, посмотрев герасимовский «Тихий Дон», прослезился

и даже шаль вам подарил — словом, остался доволен. А что сказала о картине Эмма Цесарская — первая исполнительница роли Аксины в версии 1931 года?

— Знаете, я с ней о фильме не беседовала, хотя мы и виделись однажды на юбилее Шолохова. Мне только известно со слов Герасимова, что она очень хотела снова сыграть Аксиныю и пришла к нему с этой просьбой. Ему пришлось поступить довольно жестко: подвести ее к зеркалу. Всей трагедии этой женщины я тогда не поняла. Я понимаю ее теперь. Давно уже понимаю.

— В «Добровольцах» есть сцена, где ваша героиня с яростным отчаянием защищает мужа, которого на собрании обвиняют во вредительстве. Не случилось ли вам от кого-то отвести беду и в реальности — может быть, в не столь драматичной, но достаточно серьезной ситуации?

— Не уверена... Но я сама пережила подобное собрание.

— Можете рассказать, за что вас проабатовали?

— Могу. Я ответила хулигану пощечиной. Это случилось в Киевском институте театрального искусства, где я училась. В тот день, день траура, 21 января 1953 года, я, сосредоточившись, стояла у входа в аудиторию — готовилась читать преподавателю «Сказку о Ленине» Натальи Забины. Это была серьезная работа, вечером я должна была выступить с ней на концерте. И вдруг не в меру расшалившийся студент подошел и пронзительно свистнул мне в ухо. А уши для меня всегда были предметом особенного беспокойства и внимания, потому что я перенесла перфорацию и т. д. И у меня сработала естественная реакция на хулиганство: я перекинула ладью с правой руки на левую и влепила ему оглушительную пощечину. Поскольку дралась я с детства, да к тому же подростком работала во фронтовом госпитале и знала кое-какие приемы самообороны, то от моего удара он буквально отлетел. Я вошла в аудиторию, а когда через полчаса оттуда вышла, весь институт уже знал, что Быстрицкая дала пощечину — третью в институте за довольно короткий промежуток времени. Что делать — так уж мне не повезло.

В тот же день один из преподавателей меня предупредил: «Подавайте заявление о переводе в Харьковский институт, иначе завтра будет приказ о вашем отчислении». На что я ответила: «Если завтра будет приказ — послезавтра ищите меня в Днепре». А поскольку все знали, что болтать попусту я не привыкла и, если что-то говорю, то поступаю соответственно — ни отчислить, ни перевести меня администрация не осмелилась: «Нехай комсомолия решать».

Комсомольское собрание состоялось аж в марте, после смерти Сталина, но еще до освобождения врачей. Атмосфера была очень тяжелой. На собрании выступали мои товарищи, которые инкриминировали мне черт знает что. Одни говорили: «Враг не дремлет, мы должны быть бдительными, товарищи!». Другие: «А помните, она отказалась танцевать со студентом Х.? От него, видите ли, деревней пахнет!? А деревня пахнет хлебом, товарищи!!!» Я слушала и ужасалась этой демагогии: с кем я учусь? Кто эти люди? Ведь они лгут! Я никогда не утверждала, что от Х. пахнет деревней: от него пахло потом, и я не хотела танцевать в паре с неопытным человеком; прежде чем подойти ко мне в танце, мог бы и помыться.

Короче говоря, Боже мой! Чего только они ни говорили! Хотели исключить меня. В общем, я знаю, что такое собрание, и отношение моей Лельки к этим людям там, в фильме, — это ее личное отношение.

— В 1958 году вы писали: «Нам чужды отвратительные нравы буржуазных кинофирм, в частности, Голливуда, где пышно процветает густой чертополох интриг, далеких от интересов искусства». Но так ли уж далека интрига от сферы творчества? То есть...

— Нет, минутку. Вы верите, что это мои слова? Что вы цитируете? Это интервью?

— Нет, статья.

— Но чья статья? Моя? Да я не в состоянии высказаться подобным образом и вообще не писала тогда статей. Могли, конечно, уговорить: «Подпишите, Элина Авраамовна, подпишите!» — разве лишешь человека куска хлеба? О чем статья?

— Ничего стыдного в ней нет, вы пишете о своих товарищах, молодых кинематографистах, талантливо заявивших о себе. А эта фраза — даже жаль, если она не ваша: в ее стилистике есть определенное очарование, некоторая барочная гармония чрезмерности. Да дело не в ней. Теперь,

ИГОРЬ ЕСИКОВ

обретя определенный жизненный опыт, не находите ли вы, что интрига — в каком-то смысле одна из движущих сил искусства? И разве против вас не интриговали?

— Я по гороскопу Овен: всегда иду напрямик и, естественно, получаю синяки и шишки, но это меня не учит. Об одной интриге могу рассказать. Однажды мне стало известно, что некая актриса, которая могла претендовать на роль, полученную мной, подняла в своем кругу тост за мой провал. Почему? За что? Я же не ходила и не выпрашивала! Долго я думала, как поступить, чтобы ком ненависти не разрастался. Решила, что если меня не научились уважать — что ж, пусть опасаются. И провела с ней разговор таким образом... Нет, не могу рассказать. Короче говоря, друзьями мы, ясное дело, не стали. Но интригу пресечь удалось. Вообще я убедилась: неправда, будто можно безнаказанно творить зло. Я уважаю эту актрису за ее труд, но, по-моему, она не смогла выйти на тот уровень, что был ей предназначен.

— Когда-то давно, перед премьерой «Маскарада» в Малом, Ильинский выступил со статьей, где говорилось, что в театр приходят кинозвезды, которые ничего не умеют, — имея в виду вас с Ни-

фонтовой. Простили ли вы старику эту обиду и признал ли он со временем вашу профессиональную состоятельность?

— Во-первых, он никогда ничего не признавал, а во-вторых, это не единственная обида, которую я от него вытерпела. Однажды на партийном бюро он заявил, что я не актриса, а пошлая манекенщица. К сожалению, кое в чем и я перед ним виновата. Как-то раз сказала ему о его супруге: как можно с ее фигурой играть такую-то роль? Наверное, следовало его пошадить, но я ведь искренне верила: чтобы играть, нужно как минимум быть в форме. Не то что я была глупа — я была, наверное, неосмотрительна, а возможно, и беспощадна в силу молодости. Но и сейчас я часто иду напролом, если чувствую, что права. Думаю, что молодые-то — вряд ли, а мои ровесники понимают: по-другому я не могу.

— В вашей творческой жизни много случаев, когда вы сами, не ожидая приглашения, заявляли о своем желании сыграть ту или иную роль: сами позвонили Герасимову, дошли до каких-то инстанций, чтобы получить роль Кручинной в театре, заставили Бондарева дописать сцену в «Выборе»...

— Стоп, стоп, стоп. Вы мне приписываете что-то несусветное. О каких инстанциях речь? Давайте уточним.

— Давайте, но в тексте интервью, где упомянуты эти инстанции, больше ничего не них не сказано.

— Когда даешь интервью, не всегда удается проконтролировать, что журнал в конце концов напишет. Я могу сказать совершенно определенно: по инстанциям никогда в жизни не ходила. Мне действительно не давали эту роль, я получила ее только тогда, когда заявила об этом во всеулышание. А получив, вдобавок заработала болезнь, потому что поставила то, что я хотела играть, режиссер отказался. Мне пришлось бороться, я попала в больницу и благодарна театру, что меня дождались и что потом вместе с режиссером Бурдонским нам удалось сделать то, что мне хотелось.

— Мы круто ушли в сторону, а я всего лишь предполагала спросить, почему, настаивая на получении тех или иных, видимо, жизненно важных для вас ролей, от одного предложения вы сами отказались? Я говорю о Катерине в «Грозе» у Пашен-

ной. Может быть, вы почувствовали, что ваша мощная, властная энергетика не захочет трансформироваться в смиленную, покающую энергетiku Катерины? Обладая героиня такими данными — в Волге пришлось бы искать Кабаниху?

— Просто мне казалось, что Катерину должна играть актриса такого уровня, как сама Пашенная: чтобы был голос как орган и неукротимый темперамент. Про себя я тогда ничего в этом плане не знала и, главное, не была готова к разговору. А Вера Николаевна, как и я, не отличалась дипломатическими способностями, мы случайно столкнулись у лифта, и она вдруг сказала: «Эличка, давайте с вами сделаем Катерину, — а я знала, на роль назначена Нифонтова, которая в это время рожала. — А Руфочка родит — она тогда вернется». «Что вы, Вера Николаевна, я не могу Катерину. Вот Варвару — могу». Больше она никогда со мной не заговаривала.

— Обиделась, что вы отказались?

— Боюсь, она могла подумать, что я не поверила в нее как в режиссера. Да и кому понравится, если актер позволяет себе выбирать: этого не могу, а вот это могу.

— Играя небезупречных героинь Островского, вы стремились их как-то оправдать, полагая, например, что Глафира в «Волках и овцах» — вовсе не хищница, а удачливая женщина, умеющая пользоваться обстоятельствами: «Поставь ее в другое положение — хороших дел понаделает». Собираетесь ли вы (и если да, то каким образом) оправдывать Мурзавецкую, которую сейчас репетируете в той же пьесе?

— Конечно. Непременно. Но как — пока не скажу: энергия, ушедшая в слова, не возвращается. Думаю, мы сделали маленькое открытие, причем опираясь на текст Островского, на некоторые характеристики, данные моей героине другими персонажами, но прежде не замеченные ни одной из исполнительниц.

— Спектр ваших занятий, помимо театра и кино, изумляет и озадачивает: возглавляете федерацию художественной гимнастики, работали в Комитете защиты мира, сейчас являетесь вице-президентом Международного фонда охраны здоровья матери и ребенка. В разное время занимались хореографией, греблей, даже выступали в цирке, а однажды сказали: «Когда очень устаю на репетициях, иду в тир. Пятьдесят выстрелов из малокалиберной винтовки — и я разрядилась». Интересно,

число выстрелов варьируется в зависимости от степени усталости?

— Не знаю, не уверена. А привычка эта сохранилась со времен «Тихого Дона»: когда не было погоды и нечем было заняться, упражнялась в стрельбе. А вообще азартная. Могу целый день провести в бильярдной и нисколько не утомиться.

— Кого из знаменитых мужчин вам удалось обыграть в последнее время?

— Обычно я играю на отдыхе. Прошлым летом выиграла у одного очень знаменитого партнера.

— Кто это был? Из актерской среды или из политической?

— Из политической. Вообще, когда мужчина проигрывает женщине, всегда можно сказать: а, проиграл, потому что хотел проиграть. Но он — не хотел, поэтому имени не назову.

— Из нашей предварительной беседы выяснилось, что вы занимаетесь парапсихологией. Простите, вы не боитесь улететь в астрал (наверное, точнее — «уйти в астрал»?) — и не вернуться?

— Я никогда не летаю. Не путайте, вы спросили, что я читаю, и я сказала: читаю материалы по парапсихологии. Это не означает, что я занимаюсь ею практически, хотя Академия энергоинформационных наук — есть и такая — приняла меня в свой ряды.

— Понятно. Последний вопрос. Когда актеру в начале его карьеры удается получить всеобщее признание, как случилось с вами после «Тихого Дона», то на протяжении дальнейшей жизни от него постоянно ждут работ, соизмеримых с этой, особенно удачной. Дает ли женский репертуар на вашем нынешнем жизненном этапе такие возможности? Что вам хотелось бы сыграть?

— Мне бы много чего хотелось. Хотела, например, сыграть мадам де Сталь в «Героической комедии» Брукнера, не художественному руководителю театра: не нравится пьеса, хотела Елизавету Английскую того же автора — не нашли режиссера. И так далее.

А вообще в мировой литературе, с моей точки зрения, единственный образ, соотносимый по своей эпичности что ли, с образом Аксины — это Скарлетт О'Хара в «Унесенных ветром». Но Скарлетт — уже не моя роль. Разве что кто-нибудь напишет еще одно продолжение романа — о ее судьбе в зрелые годы. А пока этого не случилось, буду добросовестно играть Москалеву в «Дядюшкином сне» и Мурзавецкую.

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ